

Михаил Задорнов
Валентин и Юлия Гнатюк

РЮРИК

Полет Сокола

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-15

Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Задорнов, Михаил.
3-15 Рюрик. Полет Сокола / Михаил Задорнов, Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 544 с. — (Эксклюзивная история).

ISBN 978-5-17-184301-4

«Рюрик. Полет Сокола» — книга из цикла произведений об изначальной истории Руси. Роман написан Михаилом Задорновым совместно с Валентином и Юлией Гнатюк, авторами ряда книг на древнеславянскую тематику, среди которых повествование о сыне Рюрика Игоре и замечательная трилогия о его внуке князе Святославе Хоробром.

Данный роман — не сугубо документальное историческое исследование, а художественное произведение о первом русском князе Рароге-Рюрике — легендарной личности, без которой не было бы ни Руси тогда, ни России сегодня. Кем он был? Как неожиданно сложилась его судьба? И почему в течение нескольких столетий русские правители с гордостью называли себя в честь великого предка — Рюриковичами? Книга будет интересна тем, кто любит историю и хочет углубиться в легендарное славянское прошлое.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184301-4 © Задорнов М., Гнатюк В., Гнатюк Ю.
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продолжая тему об изначальной истории Руси, я хотел бы предложить читателям роман «Рюрик. Полет Сокола», который мы написали с Юлией и Валентином Гнатюками.

Юлия и Валентин живут в Днепропетровске, изучают историю славян, а не выдумывают её. К сожалению, из-за того что история сознательно замалчивалась, а порой и уничтожалась, как во времена царствования немцев Романовых, так и в советское время, много развелось фантазёров на эту тему.

Юлия и Валентин Гнатюк — авторы ряда книг по древнеславянской тематике, среди которых и роман о Святославе, внуке Рюрика.

Конечно, это произведение художественное. И всё-таки... Сказка — «ложь», да в ней — правдивый намёк: и этот намёк — всем *добрым молодцам* урок!

Особо придирчивых — а таких нынче с появлением Интернета немало — предупреждаю: бессмысленно сверять по имеющимся летописям даты рождения отца Рюрика, его деда Гостомысла и самого первого князя Руси.

Нами просмотрено немало источников. Даты всех главных событий в летописях различных авторов и хроникёров разнятся. Это понятно: каждый автор пытался угодить власти. Поэтому в византийских записях мы встречаем одни датировки событий, в русских — другие, а в Мекленбургских

генеалогиях — третьи и так далее... Список несовпадений бесконечен!

Ещё каждому читателю необходимо знать, что летоисчисление в те времена у наших предков велось по календарю славянскому, в западноевропейских странах — по юлианскому, у евреев — по библейскому... Вскоре в Западной Европе перешли на календарь григорианский, славяне же продолжали пользоваться родным календарём до Петра I. Пётр I провёл реформу и перевёл Россию на календарь... юлианский! Притом что от него за два с лишним столетия до этого в Европе уже отказались. Представляете эту календарную неразбериху?!

Вот так *общий знаменатель* событийного ряда был навсегда утерян. Так что сверять различные летописи — дело неблагодарное. А вот вывод можно сделать вполне определённый: ошибка закралась минимум до пятидесяти лет. Недаром, как полагают многие сегодняшние учёные, дату образования Руси надо отнести на несколько десятилетий назад.

Этой ошибкой, накопленной летописцами и хроникёрами, вполне можно объяснить множество несуразностей в истории нашей Отчизны. Как это так: княгиня Ольга родила Святослава чуть ли не в старости, Рюрик пришёл править на Русь, когда ему было более семидесяти лет, а русский флот из двухсот лодий был построен за две недели и появился у стен Константинополя, когда самой Руси ещё не было?

Похоже, читателям, которые интересуются историей нашей Родины, скорее помогут разобраться, где была, а где небыль, не учёные, которые пытаются угодить власти, а писатели.

Да, многие пользовались легендами, мифами, а также апокрифами. Но что такое апокриф? История, не признанная форматными учёными. Неформат! То есть то, что не угодно власти.

К примеру, мои концерты перед выходом на экран редактируются целой *сворой* телепродюсеров — из рассказов вырезаются самые острые шутки и мысли, которые могут якобы обидеть правителей, то есть самая-самая правда. Вот эти *вырезки* и есть апокрифы!

Наш девиз: **«Познавать историю не по скучным учебникам, а по увлекательным романам!»**

Совестью России всегда были не политики, и не те, кто за ними записывает, а писатели, потому что писатели, в отличие от политиков и учёных, всегда относились с уважением к своему народу и чтили народные знания.

Ну и начать *обучение* мы решили, естественно, с того события, без которого не было бы ни Руси **тогда**, ни России **сегодня**, — с прихода Рюрика на Русь. Кем он был? Как неожиданно сложилась его судьба? И почему в течение нескольких столетий русские правители с гордостью называли себя в честь великого предка — Рюриковичами?

Михаил Задорнов

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Замысел данной книги, как и популяризации темы о Рароге-Рюрике, принадлежит Михаилу Николаевичу Задорнову.

Мы облекли идею в художественную форму. Крайняя недостаточность исторических сведений и полуполюгендарная личность главного героя породили большое число версий происходящего в тех далёких временах. Мы выбрали свой вариант, основные ключевые точки которого считаем необходимым пояснить.

Прежде всего — возраст Рарога-Рюрика. Более-менее точно известна только дата смерти — 879 год. Отцом его считается ободритский князь Годослав (Годолоуб, Годелайб, в немецкой транскрипции Годлав), которого в 808 г. казнили датчане после взятия города Рерика. Значит, Рюрик родился около 800 г. Но к моменту смерти (879г.) у него остаётся малолетний сын, что является маловероятным. И зачинать детей, и создавать новое государство мог только муж, полный силы и здоровья. Та же ситуация и с княгиней Ольгой, которая рождает Святослава на шестом десятке лет.

Налицо явный сдвиг в хронологии. Где-то затерялись как минимум четыре десятка лет.

Поэтому мы обратили внимание на ещё одну запись. «В 844 г. был казнён франками король ободритов Гостомысл (Густимусл), после которого правил Рёрик».

Но Гостомысл известен как новгородский князь, который умер своей смертью в 860-е годы, и после него принял власть Рюрик. То есть сдвинуто или перепутано также место действия.

Мы позволили себе предположить, что в 844 г. был казнён ободритский князь Годослав, отец Рюрика, который мог быть внуком убитого в 808 г. Годолюба (Годлава). Тогда дата рождения Рюрика около 840 г., и в Новгород он приходит 22-х летним молодым воином. Если посчитать по-другому, исходя из возраста Гостомысла, который умирает в 860-х годах, дочери у него могли родиться в 820-х годах, а внуки опять же в 840-х.

Второй важный момент — происхождение Рюрика. В последнее время у исследователей набралось достаточно веских аргументов в пользу того, что наш Рюрик и Рорик Ютландский личности совершенно разные, хотя и могли пересекаться в одном историческом времени.

Что касается верного соратника Рюрика, а потом и его родственника Ольга, нас привлекла версия его происхождения из рода кельтских жрецов-друидов.

В книге разграничиваются понятия «варяги» и «викинги». В русских летописях однозначно утверждается, что «Варяги» есть «Русь» с берегов Варяжского (Балтийского) моря. Они такие же словене, как и новгородцы, «варяги мужи словене», — отмечает Первая Новгородская летопись. О том же говорят и скандинавские саги, относя «верингов» или «варангов» к народам Восточных земель, т.е. территории юго-западной балтийской Руси. Сами древние скандинавы, норманны, викинги (от «вики» — залив, фиорд, «викинги» — жители фиордов) отмежвываются от принадлежности к «верингам», и лишь современные историки упорно ставят между ними знак равенства. Интересно, что исследователь

А.Ф. Гильфердинг производит слово «вагр» от санскритского «вагара» — храбрый, удалой.

Народы варягов-русь составляли четыре крупных племенных союза: вагры, ободриты, руги (раны, руяне) и лютичи (или вильцы). Все они были удачливыми и храбрыми воинами, мореплавателями, земледельцами и торговцами. Ходили в разные земли, были хозяевами на своём море, названном по их имени Варяжским, а торговый путь из Балтики в Византию именовался путём из Варяг в Греки.

Однако ободриты и лютичи находились в противостоянии и вели друг с другом бесконечные войны, «из-за давней вражды», как отмечают франкские хроники. Не в этом ли кроется разгадка древней летописи, повествующей сначала о приходе варягов и наложении дани «по беле и веверице» на чудь, словен, мерю, весь и кривичей (859 г.), затем об изгнании варягов (862 г.), и тут же о призвании на княжение Рюрика с братьями.

Воюя против соседей, лютичи вступали в союз с данами и саксами, а ободриты были союзниками франков. Посему неудивительно, если те же лютичи или руги, на долю которых приходилась третья часть всей воинской добычи, ходили за данью к словенам на Новгородчину. *«Русы нападают на славян, — свидетельствует Ибн-Русте, — подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают в плен...»* Гардизи сообщал о русах следующее: *«Всегда сто-двести из них ходят к славянам и насильно берут с них на своё содержание, пока там находятся... Много людей из славян... служат им, пока не избавляются от зависимости».*

Так что иные из варягов не брезговали сходить за данью к своим родичам. Поэтому новгородские посланники и обратились за помощью к князю Рюрику, происходившему из ободритов, тех варягов-русь, кто

мог судить «по Ряду и по Праву», и дать достойный отпор прочим охотникам за данью.

Не менее загадочной фигурой является и киевский князь Аскольд, полемика о котором начинается с его имени (от скандинавского *Haskuldr* до племенного самоназвания поднепровских жителей «сколотов»), продолжается вопросом «тандемного» правления с киевским князем Диrom, и заканчивается смертью от руки Олега Вещего за самозванство («не князья вы, и не княжьего рода»).

Есть смелые предположения Б. А. Рыбакова о наличии в Древней Руси «Аскольдова летописания», сведения из которого и дошли до нас в составе Никоновской и Иоакимовской летописей. В них содержатся уникальные сведения о событиях 870-х годов: бегство части новгородской знати от Рюрика к Аскольду в ходе борьбы за власть в Новгороде, гибель сына Аскольда в борьбе с болгарами в 872 году, походы Аскольда на полочан в 872 году, кривичей (где Рюрик посадил своих наместников) и печенегов в 875 году. А поход руси на Царьград (860), отнесённый Повестью временных лет к 866 году, датирован 874—875 годами.

Многие из этих, вероятно, неоднозначных фактов мы позволили себе использовать в данной книге, о чём и извещаем читателей, дабы они не упрекнули нас в голословности и надуманности.

Тем не менее, просим учесть, что данный роман — не документальное историческое исследование, а художественное произведение, ставящее целью показать общую картину становления Новгородской Руси и её взаимоотношений, прежде всего, с Балтийской и Киевской Русью в середине-конце IX века н.э.

С глубоким уважением,
Юлия и Валентин Гнатюк

Пролог

БОЛОТНЫЙ МЕЧ

*Добыча руды в болоте,
куда ударила Перунова молния.
Изготовление особого меча,
который Годослав, ободритский князь,
кладёт в колыбель своему сыну Рарогу.*

Ночь, ветреная и сырая, разразилась невиданной грозой. Вместе с небесными потоками к земле время от времени неслись раскалённые добела Перуновы стрелы. Одни, полыхнув вполнеба, гасли, утратив огненную силу, другие вонзались в земную твердь, отдавая ей свою небесную мощь. Вокруг так грохотало, блистало и щедро лило, что, кажется, всё живое от страха схоронилось в своих норах, дуплах, пещерах.

Но вот на взгорке у края болота послышалось движение и чей-то говор. Кто из смертных живых существ осмелился выйти прямо под грозные огненные стрелы могучего Бога?

Ватага рудокопов на берегу вовсе не замирала от благоговейного страха, но, напротив, радостно и возбуждённо обменивалась возгласами, будто заряжаясь грохочущей мощностью неба. Хлёсткие струи дождя с шумом ударяли в плащи из рыбьей кожи, но

люди зорко следили, куда ударят те божьи стрелы, что достигали заливаемого потоками тёмного лика земли.

— Эх, братья, знатно отец наш Громовержец небеса разверз своими огненными мечами, льёт-то, льёт как, будто всю небесную влагу на землю решил низвергнуть! — воскликнул, перекрывая небесный грохот и водный шум, коренастый рудокоп.

Огненные сполохи то и дело вырывали из темени очертания деревьев, островков, кочек. Наконец, главарь ватаги взволнованно указывает рукой туда, куда раз и другой ударил целый пучок Перуновых стрел.

— Вон, у той одинокой осины, — радостно кричит он, — видали, как садануло-то? Целый сноп божьих молоний!

— Видали, Рудослав, как не узреть такое. Слава Перуну огнекудруму, подал знак заветный... — взволнованно заговорили разом несколько голосов. — Айда к лодье, живее!

— Навались, други, на вёсла, одесную держи, ещё чуток, вот теперь ладно, так и правим! — перекрикивает шум грозы уже сорванным голосом радостный Рудослав.

Отчаянные рудокопы тут же плывут к тому месту, видят горящую осину на небольшом холмике. Высаживаются на островок, достают заступы и проворно копают ещё тёплую грязь у корней.

— Чего застыл, Хлыст, — окликает старый рудокоп молодого долговязого отрока, — отмечай ямами руду болотную!

— Так ведь боязно мне, — честно признаётся молодой рудокоп, что впервые отправился со старшими за болотным железом, — молонья-то и нас поразить может, ежели снова в сей пригорок ударит?

— Запомни, Хлыст, — снова обернулся к нему старый сгорбленный рудокоп, с усов и небольшой бороды которого ручьём стекала небесная влага, — всякий настоящий кузнец есть Перунов сын, и ему не страшны отцовы небесные стрелы. Зато из руды, что добыта в означенном месте, можно такой меч выковать! Особливый меч, я тебе реку, которому все прочие не чета будут!

Утро после бурной грозовой ночи выдалось тихим и совершенно мирным. Щебет птиц и розовая дымка на восходе ещё не показавшегося солнца пробудили рудокопов, которые спали прямо на земле, завернувшись в свои плащи из рыбьей кожи. Рудослав, едва приоткрыв очи, сонно вытянул длань из-под плаща. Дождя не было. Умытая ночным ливнем земля была наполнена влагой, но чистое алое солнце меж тем уже выслало первые лучи из-за туманного виднокрая. Тряхнув головой, чтоб разогнать остатки сна, глава ватаги рудокопов встал и несколько раз со смаком потянулся своим сухошавым жилистым телом. Зачерпнув тёмными прокопчёнными дланями воды из чистой лужицы, омыл чело и ланиты.

— Просыпайся, люд, — глядеть будем, чего нам повелитель Молний ночью послал! — громко позвал он сотоварищей. Те стали с шелестом выпростовываться из-под своих плащей, что ежи из-под листвы.

Рудослав же поспешил к вырытым ночью ямам.

— Гляди, какая вода рудая! — радостно воскликнул он. — Давай, братцы, снимай дёрн!

— А я пока со стороны берега порою, сюда ведь самые молоньи-то и били, — молвил старый рудокоп, подходя к срезу воды, где торчали корни.

Некоторое время рудокопы сосредоточенно снимали верхний слой земли.

— Рудая земля пошла, тяжёлая! — воскликнул старшой.

— А у меня камни, копать тяжко! — расстроился молодой.

— Эге, да ведь ты рудные камни нашёл, Хлыст! Повезло новичку! Благоволит к тебе Отец Небесный, а ты боялся! — заметил старый рудокоп, и молодой расплылся в довольной улыбке.

— А ну-ка, Хлыст, сообрази костерок, да завари травы доброй, чтоб силы прибывло для работы! — повелел Рудослав. Подкрепившись житным хлебом да вяленой белорыбицей, ватага принялась за прерванное дело.

Пошёл обычный нелёгкий труд по извлечению болотной руды. Не одну седмицу копали её, подсушивали, выжигали на кострах коренья трав да остатки торфа, мельчили, просеивали. Потом сбирали полученную железную зернь в короба и грузили на свои широкобокие лодьи.

Первую зернь в отдельном коробе привезли лучшему ободритскому кузнецу. Немногословный, среднего роста, с серебром в висках и пропалённом в некоторых местах кожаном фартуке, подошёл он к привезённой зерни, поглядел, потрогал рукой, набрал в длань и молча взвесил, определяя тяжесть. Потом перевёл взгляд глубоких очей на рудокопа.

— Речёшь, с того самого места, куда молонья ударила?

— Истинно, с того места, брат Ладомир, — кивнул Рудослав.

— Дак трижды ударила! — не сдержался Хлыст.

— Будет Болотный меч! — кратко молвил кузнец, повернувшись к высокому в добротной одежде знатному воину. И ушёл, более ни на кого не глядя и не проронив ни слова.

— Коль слово дал, точно сделает, — кивнул Рудослав знатному воину. — А лучше него никто и не сможет. Так-то, Добромysl! Речёшь, сей Болотный меч — подарок самому князю Годославу?

— Брат мой двоюродный первенца ждёт, так что наперёд ничего не буду ему сказывать. — И Добромysl протянул главе рудокопов сафьяновый кошель.

— А чего он ушёл, не рёк ничего? — удивился Хлыст, кивнув в сторону кузнеца.

— Такая работа чистоты души и помыслов требует, — наставительно пояснил главный рудокоп. — Он теперь уже до того, как скуёт крицу, ничего есть не будет, и речь ни с кем не должен, даже подручному будет только знаками указывать.

— Ого! — изумился молодой рудокоп.

— А ты думал, не каждому кузнецу выпадает честь сварганить меч из Перунова железа. Тут особое дело, волшба. Нельзя, чтоб огненная нить, молнией самого Громовержца протянутая, прервалась, такой меч токмо под оком мастера и беседой с железом должен исполнен быть!

— А поглядеть можно? — загорелся Хлыст.

— Сказано тебе, тайна есть сие действие, никому стороннему того ведать не положено. Даже лучший ученик не всё разумеет, так-то, а ты поглядеть!

14

В княжеском тереме царила радостная суэта. На лице самого князя Годослава не осталось и следа от обычной суровости, он был озарён счастливой улыбкой. Ещё бы, нынче у него родился первенец, да ещё и сын, наследник, воин! Оттого грозный ободритский князь был готов скакать и смеяться, словно дитя.

— О-го-го, — с порога загремел трубным своим гласом двоюродный брат Добромysl и сгрёб его

в могучие, будто клещи, объятия. — С первенцем тебя, брательник, с наследником, ух, и молодцы вы с Умилою!

— Да тише вы, громогласные, не на поле брани, занул богатырь-то! — шутливо-строго пожурила их молодая мать, которая ещё слабым шагом вошла в GRIDНИЦУ в новой расшитой рубахе и уложенными по-женски русыми косами на голове.

— Умила, твой сын — будущий воин, ему шум сражения что песня! — молвил Добромysl, смилив свой глас и незаметно подмигнув князю. — Ты лучше покажи мне племянника!

— Коли тихо поведёшь себя, покажу, — улыбнулась молодая мать.

— Ой, погоди, я же тебе подарок приготовил, — встрепенулся Доброслав, протягивая роженице небольшой берестяной короб искусной работы. — Вот лунницы серебряные покровительницы женской богини Макоши, и обереги, рекут, от серебра молоко прибывает... — Вслед за Умилой они с князем прошли в небольшую уютную светёлку, стараясь ступать неслышно.

— Красавец, — прошептал Добромysl, — как есть красавец, вылитый отец!

— А по-моему, он более на Умилушку похож, — тоже шёпотом возразил счастливый отец, прижав к себе легонько на миг светящуюся от радости жену.

— Эге, Годослав, у меня и для тебя подарок есть, да какой!

— Знаю я вас, мужей, небось, конь или клинок какой заморский, — тихо промолвила, улыбаясь, Умила.

— А вот и не заморский, а нашего самого лучшего кузнеца Ладомира. — Он поманил брата назад